

А.В. Голубев, О.С. Поршнева. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011

Отношения между союзниками редко бывают простыми и ровными. Когда же на них влияют не только прагматичные соображения и расчёты стратегов и дипломатов, но и массовые, порой иррациональные, симпатии или предубеждения, они оказываются и вовсе запутанны, противоречивы и даже непредсказуемы. В какой мере и какими способами власть, намечающая и проводящая внешнеполитический курс, может эффективно управлять и манипулировать настроениями общества? Насколько сама она зависит от его самосознания и прежде всего от устойчивых стереотипов и предрассудков? Что они собой представляют, как возникают и трансформируются? Все эти вопросы приобретают особую остроту в том случае, если речь идёт об эпохе мировых войн, ломавших не только границы и судьбы государств, народов и отдельных людей, но и картину мира, и мироощущение тех, кому довелось их пережить. Вероятно, поэтому монография кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН Александра Владимировича Голубева и доктора исторических наук, профессора Уральского федерального университета Ольги Сергеевны Поршневой, давно и систематически изучающих взаимовосприятие России и её соседей, долго ещё не устареет и будет привлекать к себе внимание не только специалистов, но и всех интересующихся историей русского самосознания в первой половине XX в.¹

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук Н.Н. Баранов (Уральский федеральный университет), И.В. Быстрова и В.А. Небезин (Институт российской истории РАН), а также кандидаты исторических наук А.В. Короленков (журнал «Новая и новейшая история») и Т.А. Филиппова (Институт российской истории РАН).

Николай Баранов: «Скажи мне, кто твой друг»

*Nikolay Baranov (First Russia's President B.N. Eltsin Ural Federal University):
«Tell me who is your friend»*

В книге А.В. Голубева и О.С. Поршневой обе мировые войны и межвоенные годы рассматриваются как единый период, обладающий собственной внутренней логикой. Как известно, Ш. де Голль ещё во время лондонской эмиграции говорил о «второй Тридцатилетней войне». Позднее это определение использовали философ Р. Арон в 1950-е и историк Г.У. Велер в 1990-е гг. Подобный подход особенно важен при изучении структур и механизмов формирования общественного сознания.

---

¹ Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.

Исследование же «образа союзника» представляется совершенно необходимым для выработки некоей общей парадигмы восприятия «других» в рамках того или иного группового сознания. основополагающим для имагологии является противопоставление «свои – чужие», которое в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. «Своё», родное (например, русское, российское) служит при этом отправной точкой для понимания и оценки всего другого, «чужого». Тем самым внешний мир структурируется по методу оппозиции. Однако образ союзника имеет при этом черты некоего «включённого третьего». В результате он отличается лабильностью и девиативностью, способностью изменять формы и признаки, существенно отклоняться от базовых представлений под влиянием различных внутренних и внешних факторов, успехов или неудач, изменения уровня самооценки, пропагандистских установок и проч. Об этом убедительно говорится в постановочной части введения (с. 11–12), да и во всей монографии на основе многих красноречивых примеров.

Авторы тщательно характеризуют историографическую традицию освоения интересующей их проблематики, учитывая работы, посвящённые различным проявлениям общественного сознания и тем или иным аспектам образов Другого². Ими широко использованы материалы прессы, источники личного происхождения (включая письма), отчёты, обзоры и сводки Департамента полиции МВД, Военного министерства, ОГПУ/НКВД и ВКП(б). Как убедительно показано в книге, несмотря на специфический и во многом конъюнктурный характер таких документов (особенно советского времени), они содержат и вполне достоверную информацию, которая помогает реконструировать существовавший в общественном сознании образ союзника. Особо хочется отметить композиционную и даже стилистическую гармонию труда О.С. Поршневой и А.В. Голубева. Думается, это закономерный результат совместных усилий историков, которых объединяет не только искренний интерес к теме, но и совпадение концептуальных подходов.

Их исследование убеждает в том, что в первой половине XX в., несмотря на войны, революционные потрясения, смену государственного и общественного строя, стремление заместить православную веру и народные обычаи коммунистической идеологией и классовым самосознанием, базовые ценностные установки российского общества оставались неизменными, особенно на уровне массовых стереотипных представлений, включая и образы Другого. Впрочем, не стоит недооценивать и силу воздействия концепций социального детерминизма. Сын известного импрессиониста, французский режиссёр и боевой лётчик Ж. Ренуар, создатель одного из ярких художественных воплощений военной судьбы – фильма «Великая иллюзия» (1937), в котором принципиально отсутствует образ врага, утверждал: «Если французский крестьянин окажется за столом с французским финансистом, этим двум французам будет нечего сказать друг другу. Но если французский крестьянин встретит китайского фермера, они найдут, о чём поговорить». При чтении книги нельзя не почувствовать, как сильно и принципиально различались представления разных обществен-

---

² Книга, скорее всего, была уже написана, когда увидела свет интересная статья: *Деятков А.В., Кондратьев С.В., Макарычев А.С., Чувильская К.А.* Проблематика образов в международных отношениях: методологические подходы и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 10. С. 24–30.

ных групп. Неграмотные крестьяне, знавшие азбуку горожане, рефлексирющие интеллигенты, высокопоставленные чиновники, партийные деятели и т.д. по-своему воспринимали «образ союзника», особенно под влиянием военнополитических перемен и с учётом всех этнополитических стереотипов, связанных с такими странами, как Франция, Великобритания и США. Потому возникает неизбежный вопрос: какое же словосочетание точнее обозначает предмет исследования – «образ союзника» или «образы союзников»?

В главе «Образ союзника в контексте “настроения 1914 года”», написанной О.С. Поршневой, совершенно верно отмечены признаки того, что уже в начале века война привела в действие характерные для массового общества механизмы тотальной мобилизации. Во всех странах, несмотря на ту или иную специфику, ощущалось тогда стремление к «сплочению вокруг трона и алтаря», наблюдались выраженные эсхатологические настроения, происходила идеализация собственного культурно-исторического типа и национального опыта. Впрочем, и тут многое зависело от местных обстоятельств и социальных факторов. К примеру, ни в рабочих пригородах Гамбурга, ни в баварских деревнях не было тотальной эйфории «августовского переживания». Более того, в течение первых военных дней настроения немцев существенно колебались. О повсеместном всплеске патриотизма и всеобщем военном воодушевлении говорить явно не приходилось³. «Дух 1914 года» скорее оказывал прямо-таки мифически сильное воздействие на политическую культуру послевоенного времени.

В целом же авторы на основе актуальных методологических и концептуальных подходов создали фундаментальный академический труд, который впервые в отечественной историографической практике раскрывает процесс формирования и эволюцию представлений о союзниках в сознании россиян в первой половине XX в.

Татьяна Филиппова: Против кого дружим?

Tatiana Filippova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences): Whom are we friends against?

В отечественной историографии восприятие «врагов» рассматривалось чаще, чем образ «друзей». Книга же А.В. Голубева и О.С. Поршневой даёт возможность проследить, как те или иные стереотипы, клише и представления о союзниках России складывались и менялись в обществе в разные эпохи. При этом безусловно нужно учитывать специфику положительного образа «союзника», состоящую в том, что он формируется в сугубо негативном контексте войны – реальной или ожидаемой. Методологическая часть работы не только помогает уточнить её понятийно-терминологический аппарат, но и в концентрированной форме раскрывает интеллектуальную историю темы во всей её многосложности.

Замысел данной книги и трансдисциплинарный подход её авторов (на грани имагологии, культурной антропологии, теории межкультурной коммуникации, психоистории) в чём-то созвучны идеям Дж. Лиирсена (междисциплинарная природа имагологии), П. Бергера и Т. Лукмана (роль «другого» как

---

³ См.: *Volker U. Kriegsaltag. Hamburg im Ersten Weltkrieg. Köln, 1982; Ziemann B. Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923. Essen, 1997; Geinitz C., Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge, 2000.*